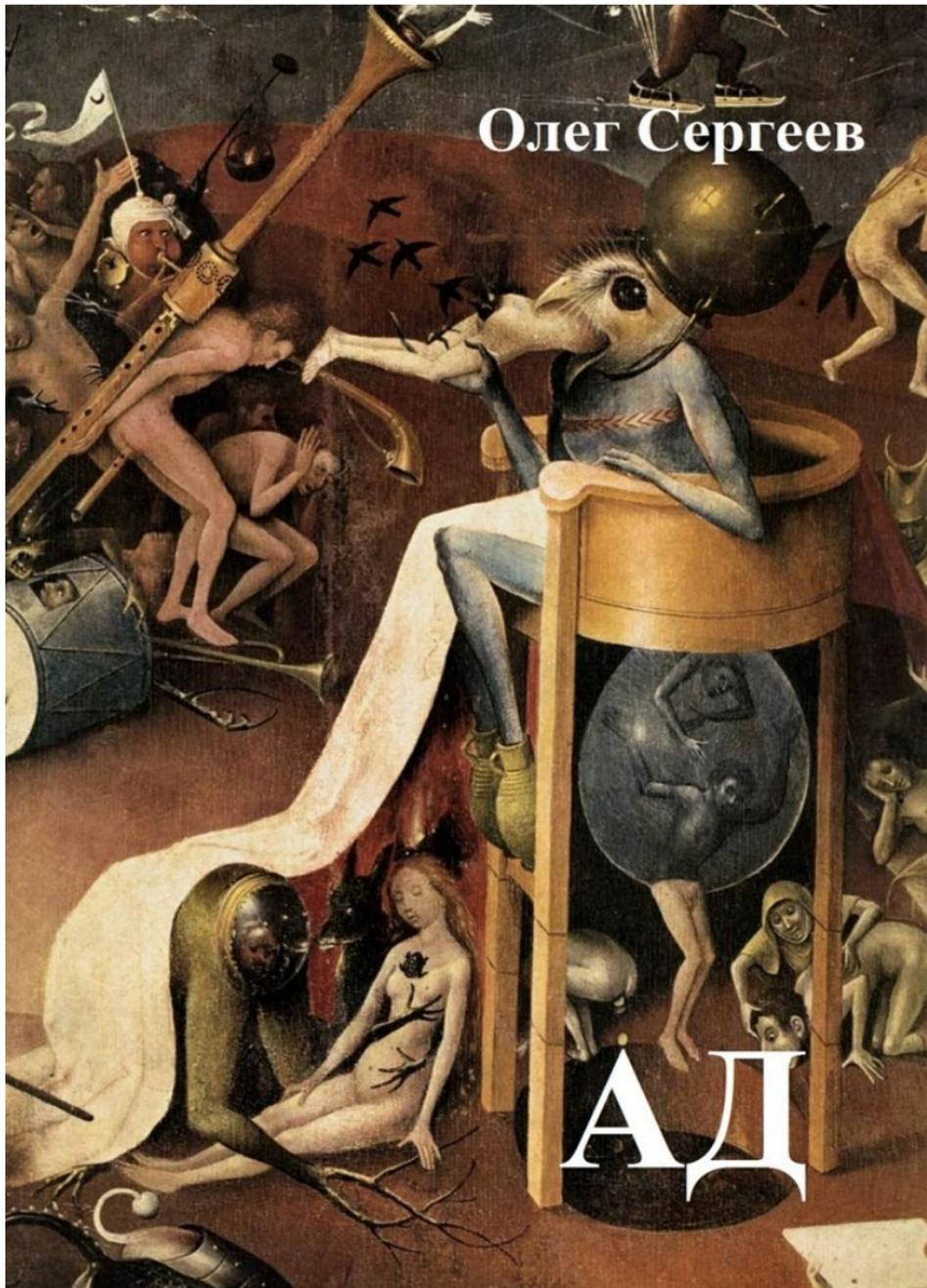

Олег Сергеев

Ад

Олег Сергеев

Ад

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25096419
ISBN 9785448551918*

Аннотация

Главный герой попадает на художественную выставку и видит там черно-белое полотно, изображающее ад. Пытаясь выяснить автора картины и ее название, герой с удивлением узнает, что подобная картина нигде и никогда не выставлялась. Решив, что у него начались галлюцинации, он предпринимает путешествие в один из заброшенных уголков планеты, чтобы понять, что это была за картина и почему мир, изображенный на ней, так напоминает повседневность.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

5
24

Ад

Олег Сергеев

© Олег Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4485-5191-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Писать, писать... скорей за блокнот, пока не пришла Мари... Ручка еще как назло... Как там – потрясти ее что ли? О чем же я писать собирался? Вспомнить бы... Память – насмешница, чего ты добиваешься от меня? Поглотила на днях последние следы той картины в моем сознании и даже не поперхнулась. Той невозможной, совершенно невысказанной картины... Где и когда я мог ее видеть? Закрываю глаза – и вновь всплывает Мари. Быстрей, пока она еще там, на очередной встрече с очередной подругой. Быстрей... Придет – и все мое одиночество схлопнется в сингулярность нашей обыденной семейной жизни. Избавиться, выставить за дверь... и снова запереться в мерзкой холостяцкой берлоге без выглаженных рубашек и горячего ужина... Нет!

О чем же это я? Опять теряю нить... Как все это некстати. Картина! Картина! Где же я мог ее видеть? Кажется, на одной из тех многочисленных художественных выставок... Их часто стали проводить в нашем захолустье. Обмен опытом... Ха! Как же зовут художника? Вспомнить бы...

Заметил я ее, помнится, сразу, как только вошел, хотя она висела в отдалении и была выполнена простой серой краской, местами переходящей в почти совсем черную... Вот оно! Что-то сорвалось внутри меня с незримой цепи, я весь сжался и ринулся прямо к картине, минуя ряды ее более яр-

ких собратьев. Название... как же она называлась? Ах, да, ну хоть это запомнил... Если бы я только мог давать названия человеческим жизням, то свою я бы точно озаглавил именно так – «Ад». Впрочем, что-то в ней было не так... была в ней какая-то пошлость, свойственная обычно давно пишущим, но мало известным мастерам, которые при этом считают себя, по крайней мере, новоявленными Босхами. Хотя... почему именно сравнение с Босхом мне пришло сейчас в голову? У него ведь тоже что-то там имеется на тему ада... Но не о нем речь.

Картина... Безумная! Нелепая! Частью пошлая, частью претенциозная, но, черт возьми, как же она была прекрасна! Однако, изображено на ней было нечто совершенно ужасное ну или, по крайней мере, должно казаться таковым. Меня пронзило насквозь, когда я рассмотрел ее и осознал, что это... Бесплодная скалистая местность, заливаемая потоками лавы из беспрестанно извергающихся вулканов... сизое небо без малейшего намека на какое-либо светило... полный мрак и запустение, какие нынче не встретить даже в отдаленных уголках Исландии... Эта безжизненная пустыня, как бы то ни было, была окружена еще строящейся стеной исполинских размеров, толщине которой Великая китайская стена могла бы только позавидовать. Местами, там, где строительство уже подходило к концу, она уходила зубцами прямо в стальное небо, расчерченное мертвенно-черными молниями... и превосходила высотой огораживаемые ей пыла-

ющие вершины...

А возводили эту стену... нет, не черти, как могло бы следовать из названия. По виду это были обычные люди – от мала и до велика: домохозяйки в стоптанных туфлях с визжащими младенцами на руках, клерикалы в длинных рясах, хулиганы с бутылками алкоголя в трясущихся пальцах, офисный планктон в костюмчиках с айфонами и планшетами, блондинки в мини-юбках, сладкоречивые политики, не выпускавшие из рук микрофона, благодушные меценаты с топорщившимися карманами, дряхлые пенсионеры и даже пытающиеся гонять мяч дети – все они так или иначе были привлечены к той гигантской по масштабам стройке. Каждая фигура выписана была столь подробно с соблюдением малейших деталей, что реалистичностью та жуткая картина могла бы поспорить с фотографией.

Она заморозила меня... До чего же обленились черти, подумалось мне, что даже своих будущих жертв они заставляют строить собственную темницу! Я смотрел на картину, не отрываясь, и не в силах был не отметить ее жуткий символизм.

На следующий день я вновь прибежал на выставку и долго искал заветный павильон, расспрашивая зрителей. Все тщетно! Никто ничего не знал о картине, словно и не было ее никогда... Через несколько дней выставка закрылась, а я так и не узнал имени мастера.

Изобразить по памяти... Думаете, не пытался?.. Кучу карандашей сломал. Ничего не могу, не выходит! Живописи

не учился, все не до того раньше было, все казалось, есть более важные занятия... Ни музыке, ни живописи, ничему... А Мари перед уходом погладила мой костюм? Завтра совещание с руководством, я не могу туда явиться без костюма! Галстук... галстук надо еще подобрать!

Да черт с ним с галстуком. Картина... картина!

Вот вернусь, бывало, с работы, на столе ужин аппетитный дымится... Я б поужинал сейчас, ну где же Мари?! Пахнет так, что любые неурядицы из головы выветриваются, на сердце полное благодушие настает... Да? Разве? Запах этот распрекрасный, уют этот чистоплюйский выводят меня почище любого холостяцкого беспорядка! И я бешусь. Бешусь! Открываю дверь, а навстречу Мари летит. Три года живем вместе, и все эти три года каждый чертов день она летит мне навстречу... Хоть споткнулась бы! Глаза светятся счастьем, бросается на меня, целует, обнимает и без умолку трещит: о том, как прошел день, какие новые туфельки она видела сегодня в очередном бутике... о работе меня спрашивает... О работе, черт меня возьми! Одному! Закрыться, запереться, спрятаться, чтобы только гул шагов моих по квартире эхом отдавался. Тишины! Я требую тишины! Забиться в угол с книгой или хоть даже с газетой. Но куда там! Мари все щебечет, расставляя тарелки и наполняя их до краев. А потом глянет в мое лицо, искаженное мукой презрения и замолчит разом. И весь долбаный вечер проведет в обиде на меня. Я, видите ли, не люблю ее! Не интересуюсь

ее долбанной жизнью! До боли стиснутые зубы и кулаки... только бы не крикнуть ей в лицо, как же мне все это остро-чертело!

И Игорь туда же... велит завязывать мне с этой пародией на семейную жизнь. Как будто я не пробовал. Сколько раз я прогонял ее! А потом снова пустая квартира, гул шагов, отражающийся от стен и скука... смертная скука... Тоска по ее запаху, ее нежности, ее ароматному телу... горячим ужинам... милой болтовне...

Честность, Игорь, говоришь? Да кому нужна твоя честность? Не всем же коротать время в одиночестве в ожидании великого чувства. Как будто ты сам счастливее меня при этом!

Работа, хобби, походы по магазинам... вот и вся наша жизнь? Ни думать, ни говорить больше не о чем? Что мы обсуждаем? О чем говорим? Звуки издаем, складываем их в слова, а на выходе одна бессмыслица. И это человеческая речь? Я запутался, совсем запутался... Ехал тут в автобусе и случайно услышал оживленную беседу одной молодой пары. Каждый из них вдохновенно и яростно, словно оратор на собрании, рассказывал другому, как несправедливо распределена работа в его конторе между им самим и его коллегой. Основной груз, дескать, я тащу на своих плечах, а вот коллега только и занимается, что имитирует бурную деятельность. Битый час они обсуждали эту тему. Я уже скрипел зубами от злости! Ведь наверняка в этот же самый момент

тот самый «ленивый» коллега жаловался кому-нибудь еще на точно то же самое: я тащу груз, а вот он имитирует! И везде так! И ведь не жалко времени на эту болтовню тратить...

Какую новую информацию несут все эти разговоры? Что интересного из них можно узнать? Эмоциями обменяться? А что такое эти эмоции? Всего лишь выброс в кровь гормонов. Химическая реакция, не больше и не меньше. Но как громко мы все это величаем: эмоции! Чувства! Радость, злость, печаль, разочарование, гордость – всеми нашими так называемыми высокими порывами управляет горсть молекул. Так чего зря словами бросаться? Что мне от ваших эмоций, если клетки моего мозга будут пребывать в блаженном покое?

Игорь только неизменно ухмыляется. Естественник ты что ли, говорит, раз так печешься исключительно о сером веществе? А я должен им быть? У нас только ученые, конструкторы и инженеры имеют право мыслить? Остальным нужно лишь эмоциями обмениваться? Если я в рабочее время не вывожу формулы движения нейтрино и электронов в плотной среде, так мне сразу положено бездумно хохотать над плоскими шутками или болеть за Динамо, поглаживая грубой мужской ладонью свою «трудовую мозоль»?

Уровень IQ мне, видите ли, в могиле не пригодится. Да-да, что еще ты можешь мне на это ответить! Ну и весело посмеяться, думая, что сажаешь меня в лужу в очередной раз. Да чем же получение знаний меньшее удовольствие, чем

шопинг и сериалы? Ценность их примерно равна, заявляешь ты? Да как ты смеешь!

Неужели же ты думаешь, что я, тратя уйму времени на чтение самой разной литературы, еще не знаю того, что и при выборе фоточек для Инстаграмма, и при решении задач из сборника Сканави задействуются одни и те же участки мозга? Но весовые категории! Если всю жизнь не поднимать ничего тяжелее двухкилограммовой гири, зачем же пытаться уравнивать свои достижения с тем, кто с легкостью вытягивает двести килограмм? Да ты все это и так прекрасно понимаешь. Нравится тебе лишний раз заставляя меня рвать на себе волосы от злости, вот и все...

Заявляешь тут, что я, оказывается, живу с Мари только потому, что люблю ее! Ну что еще за бред! Если б любил, разве скучал бы я в ее обществе? Презирал бы ее интересы и увлечения? Рубашка, ужин, да... но я бы с удовольствием вычеркнул ее из своей жизни. Но как? Как?.. Игорь, ты пинаешь лежачего.

Женился ли бы я на тебе, если бы ты был женщиной? Ну вот что еще за вопросы такие безумные? Конечно же, нет! Не понимаешь разницу между лучшим другом, своим парнем, и дамой сердца? Женщина – это женщина, слабая, нежная, хрупкая, настоящая леди, рядом с которой ты хочешь быть рыцарем, защищать ее от всех напастей. А ты просто свой в доску, рядом с тобой я могу быть самим собой, могу расплакаться, могу признать свою неправоту, могу просить

помощи.

Что? Женщина мне нужна исключительно для самоутверждения? И если бы женщин не существовало, я бы пошел и утопился? А как ты себе вообще представляешь мир без гендерных ролей? Убогость какая-то...

Размножение, инстинкты, навязанные обществом роли... Игорь, откуда в тебе столько нонконформизма?

Отними у женщин секс, выращивай детей в пробирках, и гендерные роли сотрутся? Ах, ну да, ты же ведь у нас асексуал. Как я мог об этом забыть.

Ты весь в этом. Твоя излишняя правдивость и нежелание щадить мою гордость, извечно ставит меня лицом к лицу с тем, что я хотел бы изжить в себе навсегда. Ну да что уж теперь... Да, я слабак, пусть я никчем и за тридцать лет жизни дорос только до уровня офисной крысы. Но с чего ты взял, что даже права не имею хотя бы рядом со своей женщиной казаться настоящим мужчиной? Я что, и рядом с ней должен честно оставаться размазней, признаваясь ей в собственной ничтожности?

Хорошо, что со мной все-таки Мари, а не Д.? Это еще почему?

Д... Я узнал о ней через несколько дней после ее смерти – прочел в газете некролог и не смог оторвать глаз от фото. Она была значительно старше меня, тогда еще совсем юного студента, но мне хватило одного только взгляда, чтобы навсегда провалиться в эту пучину. С тех пор я узнал о ней все,

что только было в моих силах. И какое же счастье, что нам не удалось встретиться при жизни: я бы умер от стыда. Она столь прекрасна, столь добра и возвышенна, что я недостойн был бы даже находиться рядом с ней, дышать с ней одним воздухом.

Ну так и что во всем этом хорошего? Рядом с ней я бы вдруг осознал бы собственное убожество? О, черт, ты никогда меня не понимал. Ты не мужчина что ли? Вот тебе и ответ на вопрос, почему я никогда не женился на тебе, будь ты женщиной. И не смей упоминать имя Д.! Оставь мне хоть эту мечту – заваливающую и несбыточную!

Д. не протянула бы долго рядом со мной? Из-за моей злобы?

Ну да, да! Я зол! Зол необычайно и злобой первобытной! А испытывали ли люди прошлого нечто схожее с той злобой, что разрывает подчас людей развитых и цивилизованных? У тех самых наших первобытных предков стояла всего одна задача – выжить, выжить любой ценой. И в этом отношении они ничем не отличались от диких зверей, ибо и сами входили в их число. Ну а теперь-то, казалось бы, в эпоху прогресса, когда голодная смерть грозит разве что не желающей и пальцем пошевелить ради собственного благополучия Африке, откуда берется агрессия у нынешних людей? За самку можно не бороться: в крайнем случае в теперешних условиях не составит никакой проблемы прожить и без нее... Та самая пресловутая конкуренция за ресурсы и пер-

венство? Ну только если мои собратья по-прежнему отказываются видеть собственные отличия от бабуинов... Но ведь в мегаполисах невозможно не ненавидеть ближнего своего, это единственный и главнейший залог выживания в конгломерате: дашь слабину, возлюбишь вместо того, чтобы возненавидеть, и в следующую минуту по твоему хребту промчится толпа бабуинов вслед за модно одетой самкой на шпильках, в погоне за седьмым айфоном или дорогим автомобилем. Что изменила в них цивилизация? Позволила поменять свою родную шерсть на чужую? Они ведь даже подлинно злиться неспособны и все так же следуют зову плоти, как и тысячелетия назад...

Ненавижу! Ненавижу их красные потные лица, когда они пытаются отстоять свое место в транспорте и в жизни, искренне полагая, что одним фактом своего рождения осчастливили разом всю вселенную. Ненавижу их потуги на рассуждения о политике со святой уверенностью в глазах, что вот именно та прочитанная ими статейка в интернете и является самой правдивой и беспристрастной, а все остальное – подлая ложь и правительственная пропаганда. Ненавижу их мещанские развлечения и увлечения. Ненавижу их способность восторгаться тем, что восторга вызвать не может, восторгаться с одной лишь целью – выглядеть не как все. Все они хотят быть и думать не как все, все до единого!..

Ох, как же много во мне злости! Так взял бы и разорвал в клочья весь род людской, чтобы только не разрушал он

и дальше планету святой убежденностью в собственной исключительности и богоизбранности. Они ведь даже религию изобрели, чтобы оправдать желание быть самыми-самыми. Даже сам бог, творец мира, погиб на кресте ради сухоносых приматов с манией величия! Ну кто в здравом уме не посмеется над подобной наивной выдумкой! Ох, молчи, Игорь, только молчи!

Впрочем, зря я ополчился против религии, это чрезвычайно полезная штука. Несколько дней назад, уже готовясь ко сну, я вдруг испытал не ведомый мне прежде страх смерти – смерти самой настоящей. Я живо представил себя бледным и изможденным, распластавшимся на мокрых от пота и испражнений простынях и каждой клеткой прочувствовал как же жутко это – испускать дух. Пальцы цепляются за одеяло в тщетной попытке удержаться по эту сторону бытия, но организм уже сдался. Сухие серые губы безжизненно шевелятся, мутные и погасшие глаза вяло смотрят в одну точку где-то на противоположной стене, и ты точно знаешь, что вот еще несколько мгновений, и от тебя останется только кусок плоти и воспоминания. И ты никогда больше ничего не прочитаешь, ты так и не узнаешь, чем кончится эта война в соседней стране, за кого выйдет замуж твоя дочь или внучка, никогда больше не увидишь то озеро, к которому ходил, бывало, каждую неделю, не услышишь завораживающую тебя с детства песнь зяблика... и ведь понимаешь при этом, что бессмертие недостижимо, но вот еще бы чуть-чуть

продлить, хоть на несколько дней, чтобы успеть насладиться этим небом, этим солнцем, гулом самолетов, мяуканьем любимой кошки, ласковыми руками родной женщины... И все равно ведь не успеешь, все равно тебе будет этого мало, вечно будет мало... Мало!

Ну вот и как тут не поверить в бога! Как сладок обман о грядущем бессмертии в царствии небесном! Где ты снова увидишь небо, звезды и давно покинувших тебя близких. Где выйдет к тебе дедушка, умерший, когда тебе было только двенадцать, и ты бросишься его обнимать и просить прощения за то, как ужасно вел себя в детстве, а он будет гладить тебя по голове, целовать в теплый затылок и что-то бормотать себе под нос, как и прежде. Нет, увольте, но пусть останется этот бог и эта религия! И пусть я не из тех смельчаков, что могут открыто посмотреть в лицо смерти. Трус я? Да, я трус. Тебя это злит? Ну еще бы! Но до моей злобы тебе еще очень далеко: я умею злиться не только на равных себе, но и на тех, кто гораздо слабее и беззащитнее. Вот он я!

Щенка того помнишь? Ну что принес мне тогда по моей же просьбе? Я никогда не умел обращаться с собаками, отчего-то полагая, что они по существу ничем не отличаются от кошек. Однако, первые же мои попытки приучить эту безродную дворняжку к лотку вполне закономерно окончились неудачей: псинка явно не понимала, чего я от нее добиваюсь. Раз за разом я тыкал несчастного щенка мордой в его собственные испражнения, из чего он своей убогонь-

кой собачьей логикой вывел только то, что хозяин отчего-то хочет заставить его есть их. И он начал их есть, не дожидаясь очередного появления грозного хозяина! Этот смиренный поступок глупого двухмесячного щенка поколебал мою уверенность в собственной правоте, заставив тем самым возненавидеть его с новой силой.

Я смотрел на жалкое создание, тщетно пытавшееся уснуть, и без остановки награждал его тычками, мстя за свою бессонную ночь, в течение которой он время от времени тявкал, заслышав шумы, в детской еще и чисто собачьей попытке защитить своего хозяина. А на следующий день я не давал ему спать, загонял побоями под кровать, заставляя этого мохнатого ребенка жалобно скулить от боли и обиды. Но он ни разу не оскалился на меня, продолжая лизать избивающую его руку. А я ведь тебе никогда об этом не рассказывал! Ну слушай вот теперь!

Через несколько дней я понял, что моему терпению пришел конец: я не собачник и никогда им не стану. И вот тогда-то я решил усыпить щенка, милостиво не пожелав вышвырнуть его на улицу. Разве на улице ему было бы лучше? А?! Ну и, конечно же, ты спас положение, а как же иначе! У тебя он вырос прекрасным и мужественным псом, пусть внешне и более напоминавшим Моську. Вырос... С тех пор не прошло и дня, чтобы я не изводил себя неотступным вопросом: почему я так себя вел? Я ведь искренне жалел его, сердце мое сжималось при звуке его криков, но все же я про-

должал над ним измываться. Почему? За что? Говоришь, я просто его боялся? А возможно ли это, что двухмесячный малыш цвета кофе с молоком принял на себя удар того ужаса, что я с детства испытывал перед собаками, столкнувшись однажды лицом к лицу с оскалившейся овчаркой и закричав на всю улицу? Из-за поворота тут же вынырнула хозяйка пса и увела своего казавшегося мне тогда громадным питомца, но страх мой остался и вылился таким вот нелепым и жестоким способом на самое безобидное и незащищенное существо... Еще раньше, классе во втором, прямо на моих глазах бездомный пес укусил моего одноклассника за лицо. Судя по тому, что за этим не последовало каких-то серьезных осложнений и не было даже шрамов, меня скорее напугал сам факт, нежели его реальные последствия. Окровавленное лицо одноклассника до сих пор стоит у меня перед глазами. И как же, скажи, мне не ненавидеть собак? Ненавижу, всем существом ненавижу! Что? Говоришь, я ненавижу вообще все, что хоть сколько-нибудь нарушает мой комфорт, мой покой и мои планы? Да как ты..?! А, впрочем, ты, наверное, прав...

Ну вот, признался в этом хоть бумаге и, кажется, стало легче. Осталось только стукнуть себя кулаком в грудь, пустить скупую слезу и срывающимся голосом прохрипеть слова раскаяния за свою жестокость. Ну уж нет, не дождетесь! Никогда не умел каяться и просить прощения, поздно и начинать. Да и к чему это? Кому нужно мое покаяние кроме

меня? Нет, тут уж либо не творить зла вовсе никогда и никому, все жилы из себя вырвать, а зла не творить, а уж если ступил в грязь, так имей смелость не оправдываться, а тащить эту грязь за собой. Все эти покаяния – успокоительные пилюли, только и всего. Ты ступил в грязь, теперь эта грязь навеки с тобой и точка. Имей мужество признать это, а не по-мещански надейся на то, что эта грязь вдруг волшебным образом отвалится, если ты во всеуслышание признаешься в этом. Душа не ботинок, с которого грязь запросто смывается или, засохнув, отваливается, душа с грязью срастается, вмиг делается одним целым, и уже не вырвать одно, не повредив другого. Даже если из кувшина вылить керосин, запах в нем поселится едва ли не навечно. Даже если ты склеишь разбитую вазу, она уже лишена своей изначальной целостности, невинности и красоты, теперь это просто кусок стекла, промазанный клеем. Имей честность признать себя ничтожеством, если уж не устоял в добродетели. Слабо?

Знаю, что слабо. Вот тебе еще одна причина повальной веры в бога. Ну кому сейчас хочется справедливости, а? Да никому. Все поголовно мечтают о любви и милосердии. Все надеются, что добрый боженька обязательно простит оступившегося блудного сына, иначе и быть не может. А для чего же еще нужен бог, как не для того, чтобы бесконечно прощать нам грехи наши тяжкие? Чего-чего, а каяться мы умеем – рыдать на исповеди, рвать рубаху на груди в пьяном угаре, орать: «Прости!»... И он простит, а как иначе-то? Ведь нель-

зя же гордого человека тыкать носом во все, что он натворил, он же уже покаялся, как можно?! Изменял жене? «Приди в мои объятия, любезный сын мой! Ты слезами своими святыми омыл грех сей, а посему быть тебе в раю!» И плевать мы все дружно хотели на те муки, что причинил этот новоявленный святой своей супруге. Ведь ПОПРОСИЛ ПРОЩЕНИЯ! А, значит, никакой душевной боли она испытывать уже просто не имеет права. И так во всем. Интересно, а если Чикатило перед смертью успел раскаяться в своих злодеяниях, боженька и его простит? А Менгеле? Заставит обняться со своими замученными жертвами? И не надо мне тут пальцем у виска крутить! Я знаю, что ты в бога не веришь, ну так и молчи, дай мне высказаться!..

Нет, милосердие – слишком однобокая штука: она всегда чересчур лояльна к преступникам, но невероятно жестока о отношении к их жертвам. А вот я за справедливость! Согрешил в жизни хоть раз? Отправляйся в ад! Почему тебя кто-то должен прощать? Ведь ты же не ждешь прощения от уголовного кодекса и суда, если совершил противоправный поступок. Если конечно не подкупить судью или присяжных. А бога пытаются раскаянием подкупить. Это разве честно? Это по совести или в потакание собственной слабости? Слаб человек? Ну так будь сильным или умей отвечать за слабость!..

Устал я, лоб испариной порылся, давно так не нервничал. Спросишь, а сам-то я себя куда определяю при этом? Да я, как

и все, в ад пойду, если только этот ад существует. И никаких прощений и ничьих милостей мне не надо. Пусть меня судят по справедливости. Зато я останусь самим собой до конца и не стану в рабском порыве ползать на коленях только лишь для того, чтобы меня угостили райскими коврижками!..

А еще в самой идее бога меня всегда умиляла концепция бессмертия. Виданное ли дело – мартышки, только вчера слезшие с деревьев и покинувшие джунгли, мнят себя претендентами на вечную жизнь! Да разве можем мы со своей мелочностью и помешанностью на инстинктах населять вечность? Не слишком ли она прекрасна, сложна, возвышенна и масштабна для таких, как мы? Почему в этой вечности должны быть непременно мы, а не киты или носороги, например? Чем они меньше ее заслуживают? Тем, что не сочиняют фуги и не создают атомных бомб? Фи, какое предсказуемое стремление увидеть в боге свой образ и подобие. Если бы у треугольников был бог, он был бы треугольным. Опять, кажется, чья-то чужая мысль... О чем не задумайся, кто-то из великих уже сформулировал свою философию по этому поводу, а тебе лишь остается повторять уже когда-то кем-то высказанные мысли. Какое же это унижение – жить сейчас, а не пару тысячелетий назад! Тогда я мог бы превзойти Сократа, Платона и Аристотеля! А сейчас приходится довольствоваться жалкой ролью ретранслятора. Как это мерзко!.. Пошло!..

А еще отвратительнее то, что и высказаться мне по сути

некому. Я совершенно один. Что? Говоришь, с жиру я бешусь? Ну вот, я так и думал. А Мари? Мари... Милая глупая Мари... Ее такая беззаветная преданность, женская забота... подчас просто выводят меня из себя! Почему нельзя оставить меня в покое, когда я этого прошу, а не суетиться вокруг, без конца спрашивая, как я себя чувствую, да не случилось ли чего. В такие минуты я готов разорвать ее на части! Супчик, котлетка, поцелуй в лобик, а потом в шейку, вопрос: «Милый, а когда мы заведем малыша?» Я честно пытался бросать ее, окончательно и бесповоротно указывая на дверь. Она рыдала, заламывала руки, грозила покончить с собой, даже ползала на коленях, прося дать ей еще один шанс, но уже на следующий день все возобновлялось. Видите ли, я даже тебя ценю больше ее! Она мне запрещала с тобой общаться! Ха-ха-ха! Да о чем бабы вообще думают, когда требуют у мужчин двадцать четыре часа в сутки проводить у своей юбки? Отношения должны приносить радость и рождаться по обоюдному желанию, а не превращаться в тюрьму и тяжкие оковы, где у каждого есть только обязанности и никаких прав. И если ты вдруг прервешь эту надоевшую тягомотину, тебя окрестят подлецом и предателем, не способным на любовь. А что сделала для меня Мари? Для настоящего меня, а не для своих женских фантазий на тему меня? Сварила мне ужин и провела со мной ночь? Такого добра я могу найти у любой особи женского пола, чего еще она может мне предложить? Ну? Скандалы о том,

что мы проводим мало времени вместе? А чем она хочет со мной заняться? Просмотром увлекательных дамских сериалов? Прогулкой по парку и обсуждением ее подруг? Почему женщины так убеждены в том, что мы всячески должны их улаживать взамен на ужин и секс? Отказываться от своих друзей и увлечений только для того, чтобы развлекать безмозглую курицу, не способную самостоятельно обрести хоть какой-то достойный интерес в жизни? О нет! Если бы только мне достало душевных сил расстаться с ней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.